

За чужими
ОКНАМИ

*Юлия
Лавряшина*

**Кто эта
женщина?**

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии
и иллюстрация на обложке *П. Петрова*

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 Кто эта женщина? : [роман] / Юлия Лавряшина. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-091467-8

Все началось, когда Кира в случайно найденном телефоне прочитала трагические сообщения женщины к возлюбленному. Жива ли эта женщина, вдруг ее еще удастся спасти, если узнать о ней больше? А между тем человек, которому были адресованы письма, уже завладел воображением Киры и, возможно, влечет ее саму на встречу погибели.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091467-8

© Лавряшина Ю., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Часть первая

Машина выскочила из мрака прямо на нее. По глазам резанул свет фар, и Кира, не успев испугаться, зажмурилась. Ноги приросли к земле.

Удивительно, что кроме нее, Киры Максимовой, ни одного человека на аллее не оказалось. Оглушенная внезапностью нападения, через секунду она открыла глаза. Ослепляющие лучи метнулись вбок, выхватив из ранней южной темноты мощные стволы деревьев, искривленные ветви, аккуратные ряды кустов.

Кира не распознала марки машины, хотя разбиралась в автомобилях. Тем более не увидела номера. Правда, когда она взгляделась, ей показалось, будто она уже знала его — три семерки. Вот оно — абсолютное счастье! Гибель пронеслась от нее в полуметре... В двух местах снесло металлическую ограду аллеи и кирпичную башенку над канализационным люком — а ведь башенка эта казалась бетонным бункером. И так легко сломалась...

Взрыв подушек безопасности в машине оглушил Киру, в голове поплыло, будто ее контузило

ударом и грохотом. Уродливо вмятая — так над куклами забавлялись в детстве, вдавливая им то подбородки, то лбы, — морда автомобиля застыла на расстоянии ее вытянутой руки. Она выдохнула дым, бессильно захлебнувшись бензинной слюной.

Что вот-вот может рвануть, Кире в голову не пришло... Но какие-то мысли ожили: она начала искать телефон, силясь вспомнить, на какой номер нужно звонить, чтобы позвать на помощь.

Кажется, в этот момент Кира и поймала его взгляд. Она не сразу поняла, что на перекрестке действительно стоит человек. На ум пришло: Черный Человек... Он стоял молча и смотрел на изуродованную машину, в которой, может быть, никого не осталось в живых... За душами пришел?

Удар ножа в машине отсек страшное: подушка с шипением сдалась кромсающей ее руке. Кире все слышалось глухо, как будто это она была заперта внутри, с берушами страха. Дверца распахнулась, мелькнуло лицо, показавшееся ей желтым под белесым мочалом кудрявых волос. Водитель скользнул по ней мутным взглядом: жива? Выскочил и обежал автомобиль сзади, отпечатавшись в Кирином мозгу клетчатым пятном рубашки.

«Там пассажир?!» Она бросилась следом. Обогнула машину, поскользнувшись на слякотных плитках, ухватила за ручку задней двери и только тогда увидела: клетчатое пятно колотилось о землю. Кира не поняла, что происходит, сердце провалилось от страха, но кричать ей показалось неловким, даром что никого вокруг не было.

Как никого? Она обернулась. Черный Человек стоял на «зебре», точно вырос из темной ее полосы. Это выглядело так ненатурально, что могло быть только галлюцинацией. Разве реальный человек способен вот так спокойно взирать на то, как кто-то рядом бьется в конвульсиях? Или ему с «зебры» не видно?

— Здесь человеку плохо! Вы можете? — крикнула Кира больше от отчаяния, чем поверив в реальность мужчины.

Но тень неожиданно двинулась, приблизилась, с каждым шагом обрастая плотью, и обернулась живым человеком. Вглядываться в лицо, прикрытое длинным козырьком бейсболки, было некогда, да и неудобно, так что Кира не разобралась толком — молод он или стар. Бывшие хиппи тоже носят бейсболки и джинсы...

— Что с ним, а? — Она не была трусихой, но не могла заставить себя коснуться чужой крови.

Ответ прозвучал безразлично, будто они смотрели сюжет новостей, а не стояли над корчившимся у их ног человеком:

— Похоже на приступ эпилепсии...

— А... И что с этим делать?

— Ничего. Скоро пройдет. Дайте-ка... вон!

Схватив с верхушки куста указанный ей небольшой обломанный конец ветки, Кира протянула его мужчине, не понимая, чего хочет этот странный человек. А он, улучив момент, когда больной застонал, ловко сунул распорку между его челюстями и придержал, дожидаясь, пока зубы не стиснут древесную палочку.

— Чтоб язык не откусил... — Мужчина сдернул наброшенный на плечи темный пуловер и ком-

ком сунул его под голову пострадавшего. — Затылок еще разобьет... Вы «Скорую» вызвали? Так вызывайте. И полицию. А я, пожалуй, пойду.

— Куда?! — Кира вцепилась ему в локоть. — Я не останусь тут с ним! Я не знаю, что делать!

Он отвернулся, пряча лицо:

— Больше ничего и не сделаешь. Надо ждать медиков.

— Давайте ждать вместе! Я... Я боюсь... А вы видели, что произошло, вы должны... как это... Дать показания!

Опустив голову так, что Кира видела один козырек, мужчина быстро спросил:

— А вы поняли, что произошло?

— Он вылетел на меня... Я даже...

— А почему, по-вашему, он вылетел на аллею?

Кира потрясла головой. Пока «Ниссан» ехал по дороге, она не обратила на него внимания. В те минуты ее занимало одно: хотелось рассеять по уголкам незнакомого города всю тяжесть, какую она привезла с собой. Эту тяжесть быстро сдуло бы ночным бризом — крымским городкам не привыкать принимать людские горести и освобождаться от всего, что привозят с собой люди, весь год мечтающие выплакаться на груди моря.

— Этот ублюдок свернул, потому что я стоял на переходе, — произнес Черный Человек так ласково, будто говорил о любви.

Кире стало не по себе:

— Почему — ублюдок? А вы... Почему вы там стояли?

— Он несся как сумасшедший. Такую кирпичную дуру не снести просто так... Бетонную балку видите?

— Но вы видели, как он несется, и стояли? Вы что — хотели, чтоб он врезался?

— Лучше в нее, чем в толпу подростков. За поворотом — ночной клуб. В это время отдыхающие туда валом валят.

«Отдыхающие?! Значит, он местный, раз так говорит», — промелькнуло в Кириной голове.

— Наверное, тоже ублюдки еще те, но их мне почему-то больше жалко.

— Так вы... — У нее пересохло в горле, голос осип. — Специально, что ли?!

Кажется, он улыбнулся: подбородок, выглядывавший из-под бейсболки, дрогнул:

— Будем считать, я его остановил. И благодаря мне он не стал убийцей. Очнется, спасибо скажет.

— Думаете, он что-нибудь вспомнит? — с сомнением пробормотала Кира.

— Память — штука причудливая. Заранее не угадаешь, что в ней останется. Столько всякой ерунды помнится!

— Но он мог вас убить! Сбить насмерть...

— Да, убить, убить... Нет, не мог. Главная история моей жизни еще не началась.

— Вы о чем? Я вас не понимаю...

Из-за поворота показались синие проблесковые огоньки «Скорой», сирену ночью включать не стали. Кира обрадованно рванулась навстречу, замахала руками.

— Сюда! Скорее! Как быстро приехали, да? — Она оглянулась.

Мужчины не было. Только несчастный эпилептик лежал распластаный на траве рядом с побитой машиной.

* * *

Куда он делся?! Пока врачи укладывали раненого на носилки, грузили в «Скорую», пока подъехавшие гаишники выясняли у нее, как все произошло, Кира неотступно думала о Черном Человеке.

— Свитер ваш? — Молодой инспектор протянул ей комок. — Придется хорошенько его постирать...

— Ничего, — кивнула она.

И сунула пуловер в пакет, отыскавшийся в сумке. На всякий случай она всегда носила с собой пакет, как ее прабабушки в свое время прихватывали перед выходом из дому авоську. И вот — пакет пригодился!

— Вас подвезти? — поигрывая бровями, спросил инспектор.

Кира испуганно отказалась:

— Нет-нет! Мне надо пройтись. Успокоиться.

— Вы осторожней, — протянул инспектор разочарованно. — Если что, номерочек ваш у меня имеется...

«Если — что?» — неприязненно подумала Кира, но уточнять не стала. Ей хотелось поскорее уйти от этих людей в форме, от разбитой машины, от сбежавшихся зевак — наверное, тех, кого и спас тот человек на перекрестке. Она не могла понять, почему ни словом не обмолвилась о нем инспектору... По ее словам было записано, будто машину просто вынесло на аллею. Водитель не справился с управлением... Возможно, спьяну. Скорее всего, именно так все и произошло. А если, очнувшись, эпилептик даст другие показания... Что ж, она

вполне могла и не заметить никакого Черного Человека!

Ей стало легче от того, что все в мыслях ее упорядочилось. Осталось только решить для себя: кто же тот парень, что растворился в воздухе? Благородный спаситель подростков или псих, который ловит ночами адреналиновый кайф?

Ноги несли ее неудержимо, и Кира начала задыхаться от быстрой ходьбы. До нее не сразу дошло, что идет она не туда — дом на горе, в котором она сняла комнату, остался не то позади, не то в стороне. Заставив себя остановиться, Кира прислушалась. Шум прибоя терялся в хаосе звуков, рвущихся из дверей ресторанов и кафе. Проводить там вечера ее совсем не тянуло.

«Да никто особенно и не предлагал! — напомнила она себе. — Станислав? Да он удавился бы... Интересно, почему он так любит, чтобы его называли полным именем? Никакого Стаса или Славы... Пафос во всем. Как там, в «Евгении Онегине»? *Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог.* Что-то вроде того. Хотя, если точнее, во времена Пушкина в этой фразе подразумевалось соблюдение родными светских приличий...»

Ее саму удивило, что в памяти всплыли пушкинские строчки — она не была такой уж любительницей стихов. Но какие-то обрывки иногда вспоминались ей весьма кстати, вот как образ есенинского Черного Человека сейчас, и некоторым она казалась вполне начитанной девушкой. И ей действительно нравилось провести вечер с книгой, но только не со сборником стихов. Уж скорее она взяла бы европейский триллер из серии «Интеллектуальный бестселлер». Кире

как-то попался один... Открыла она книгу с опаской, но чтение оказалось отнюдь не занудным, а довольно-таки увлекательным. И это подняло ее самооценку, которую Станислав столь упорно занижал...

— Не думать о нем, — пробормотала она как заклятие.

Затем и приехала сюда, чтобы очиститься ото всех воспоминаний. Родительский дом остался за полторы тысячи километров от Крыма, но Кира еще не успела соскучиться. В ее возрасте пора было обзавестись собственным жильем, но Станислав этого так и не предложил, они жили с ним в съемной квартире. Сейчас Кира не могла понять, ждала ли она предложения от него или боялась этого?

В Подмоскowie в такой час тихо пели кузнечики, а здесь — взхлеб! — огромные южные цикады. Тут все было ярче, сильнее, звезд на небе — в два раза больше! Кира чувствовала, как быстрее бежит кровь, и хочется мчаться куда-то, карабкаться в горы, прыгнуть в волну со скалы... Кажется, впервые в жизни Кира делала все, о чем мечтала, и никто не натягивал вожжи: «Куда?! Шею сломать захотела?» Ладно бы мама... Но и Станислав не давал ей сделать и шагу... Просто не верил, что Кира сможет не раздавить при этом половину земного шара или не переломать ноги.

Он диктовал ей каждое действие, каждый вздох: «Что ты смотришь? Ну как можно смотреть такую чушь?! И не клади сюда телефон — кто-нибудь на него сядет». Они жили вдвоем — кто мог сесть на диван рядом с ней? Обычно Станислав

садился в кресло напротив, сверлил ее холодным взглядом и с наслаждением забрасывал удочку с крючком-придиркой, а Кира обязана была поймать. Почему никто не замечает, что рот у нее порван — в кровь?

По его разумению, она все делала не так. Да и сама не дотягивала: слишком высок лоб, не прикрытый темными волосами, спускавшимися до плеч, — хорошо бы челочку выстричь... Сложена, как долговязая девочка-подросток, груди совсем нет! Не любит губы подкрашивать... Да и брови нынче в моде более темные... Ее синие глаза, которые всем так нравились, и то вызывали в нем чувство протеста: «Ты как будто в цветных линзах... Они у тебя неестественно яркие! А сама вечно бледная...»

Почему она все терпела? Она, которая в детстве была драчуньей и в институте могла постоять за себя.

— Ты дерзкая, — заметил Станислав в их первую встречу, когда Кира наотрез отказалась с ним выпить. — Это мне нравится.

И начал планомерно выдавливать из нее дерзость... А когда не осталось ни капли, потерял к ней интерес и ушел к другой. Ведь, кроме той самой дерзости, в Кире не оказалось ничего, достойного доброго слова: диплом пищевого института не стал защитой — Станислав все равно чуть ли не плевался от всего, что она готовила. И каждый вечер вспоминал, как вкусно кормила его бабушка, когда он приезжал на каникулы. Про мать не говорил, наверное, ей тоже от него доставалось, решила Кира. Узнать наверняка не довелось: Станислав так и не представил ее роди-

телям. Теперь-то Кира понимала, что изначально была для него проходным вариантом.

Он был недоволен тем, как она стирает и гладит, делает уборку и ведет себя в постели. Нашел грязь на кухне и в туалете, даже если Кира только закончила оттирать кафель... Порой ей казалось, что Станислав еле сдерживает бешенство, в котором она просто захлебнулась бы, если б хоть раз он дал ему выход. Почему он не ушел раньше? Три года пытки — зачем? И как оба они не сошли с ума? Он не дурак и, конечно, сразу же понял, насколько далека Кира от выпестованного им образа... И не смог простить ей того. Мучил и себя и ее, уже молившуюся ночами, чтобы он влюбился в кого-нибудь и сам захотел уйти. Ее он не любил совершенно, не жалел, не баловал, ею не восхищался...

Но и не истязал в том смысле, как это понимают в полиции, куда женщина может обратиться, только зафиксировав следы побоев. Кровавое сердце не видно никому.

Дернув ремешок сумочки, как поводок, Кира в голос усмехнулась: последняя фраза — уже перебор! Это из слезоточивых романов, которых она никогда не читала. Ей нравились триллеры... Вот жизнь и наполнилась ужасом. То, что человек читает, похоже, моделирует его жизнь.

Она спустилась к морю настолько, что стало слышно его дыхание, и утраченное было успокоение начало потихоньку к ней возвращаться. Улыбнувшись, Кира подумала с облегчением: «Здесь у меня начнется другая жизнь. Я же мечтала поселиться у моря! Что мне мешает?» Сомнения и страхи еще опутывали ее, и не отпускало

ощущение, будто она рвет их с каждым шагом, а они нарастают снова.

Хотелось поскорее освободиться от силков прошлого, но настоящее тоже подбрасывало ловушки — один Черный Человек чего стоил! Мелкий озноб пробегал по спине волнами, и Кире хотелось поскорее окунуться в теплую черную воду, в которой купались звезды и отсветы дальних фонарей.

На пляже в это время почти никого не было, на что она и надеялась. Невдалеке играли девушка с собакой, кажется, родезийским риджбеком, но в темноте невозможно было разглядеть, есть ли на спине особая встречная полоска шерсти, которой отличается эта порода. Собак Кира никогда не боялась, и, если б тот пес бросился за ней в воду, она бы только обрадовалась. Побороться с такой псиной на мелководье — вот это забава!

Но риджбек лишь принюхался, вытянув красивую гладкую шею, запомнил новый запах и вернулся к хозяйке.

У каждого, кто ищет любви, должна быть собака.

* * *

Ничего бы дальше не произошло, если б не крот.

Он лежал у самой тропинки. Кира катила на велосипеде, и просто чудо, что она заметила это маленькое тельце в траве. Удивительно, но Кира Максимова еще ни разу не видела кротов живьем, только в детстве — в чешском мультфильме. Но